

Сергей ДВОРЕЦКИЙ

ОТМЕТИНЫ

Избранные стихотворения
(1987 – 2007 гг.)

Издательство «Старт»
Рязань – 2008

ББК 84(2 Рос=Рус)6
С 326

Дворецкий С.А. Отметимны: Избранные стихотворения (1987 – 2007 гг.). – Рязань: Издательство «Старт», 2008. – 92 с.

«Отметимны» – шестой сборник известного поэта Рязанщины Сергея Дворецкого, живущего в г. Туме Клепиковского района Рязанской области (его стихи печатались и под псевдонимом Серж). Его лирике близка поэтическая направленность Н.Некрасова, С.Есенина, Н.Рубцова, и это не подражательность, а глубоко гражданская позиция.

ISBN 978-5-90240-60-72

© Дворецкий С.А., 2008

© Издательство «Старт», 2008

РОДИНА

Крест, предрассветное золото,
Шорох косых клетухов –
Перекликается колокол
С криком ночных петухов.

Лаем собачьим простуженным
Будится сеянный свет.
Встал, тихой реченьки суженый,
Хмурый мещёрский рассвет.

Только и в хмури юродивой
Слышен мотив вековой:
Скоро устелется родина
Зрелой духмяной травой.

Скоро уж, скоро. Подтаяло.
Вновь многоликий апрель...
Я прохожу по проталинам
Через осеннюю прель.

Пеночки шепчут, уважили,
Рад! Чем не божьи дары?
Любо туда мне похаживать
В эти глухие поры!

Славит мохнатыми соснами
Ветер хождение моё.
Край мой рязанский, нечёсанный,
Мне без тебя – не житьё!

Без предрассветного золота,
Шелеста сонных берёз...
Перекликается колокол
С дальними звуками гроз.

2006г.

* * *

Поживу я ещё, делать нечего,
И весна вроде в самом соку...
Вот мещёрским немеркнущим вечером
В забытии смотрят вётры в Оку.

Тихо-кротко – ни ветра, ни голоса,
Словно зеркало, древняя гладь,
Зелень шапок – ветлистые волосы
И стволов старорусская стать.

Не спугнуть бы, замри на мгновение,
Обалдевший, дышу через раз!
Вот оно, красоты наваждение,
Вот где мой неукраденный Спас!

А вдали, в горизонта сплетениях,
У почти задремавших дорог,
Завсегдатай в полуночных бдениях,
Всплыл луны еле видимый рог...

2006г.

ДОРОЖНОЕ

Стук глухими тире или точками,
Хлябь небесная – сгорбленный рок...
Дождик ровными-ровными строчками
Пишет песню раскисших дорог.

Песни этой краса неумытая,
В той убогой, большой красоте –
И до боли знакомые рытвины
И загибы на каждой версте.

Там берёзо-кленовыми синями
Расстелилась болотная смурь,
Воздух сладкой-пресладкой Малиновки
И Рябиновки горькая дурь.

А вдали, за нестройною думою,
За пригорком, открылось окрест:
Кружит ветер над вечною Тумою
И над старыми крышами – крест.

2006г.

ПРОСЕКА

Вначале – цветастое крошево,
И всё так доступно и дёшево,
И просинь очей не поношена
Лес золото сыплет своё.
Тогда, стародавнюю осенью,
Вот эту самую просинью,

Увидел я старую просеку
И стал у начала её.

Не то чтобы необходимостью,
Бирючею нелюдимостью,
Звала поворотной незримостью
И тонкостью нити лесной.
Чего-то шептала, баюкала,
По-бабушкиному аукала,
Брала колдовскими стуками
И ветра шальнойю игрой.

Корёжатся ветви серые,
Засеки топориком делаю,
Чтоб ловкие да умелые
Не путали ночи и дни,
И просеку обосновываю:
Валю сосны многометровые –
Пусть в спину глядят мне новые
Мои вековые пни.

Идут, ведомые целями,
Под зонтиками, под прицелами,
В европы, в америки спелые
На них я не обернусь.
Ведь я, сын апреля и осени,
Праправнук берёзы и сосенки,
Полвека – мещёрскою просекой,
А имя ей звонкое – Русь!

2007г.

* * *

Может ли быть? Не может!
Не потому, что знаю,
А потому, что верю,
И потому, что жду!
Вылезу ли из кожи,
Выйду ль к околице Рая –
Всё же не хлопну дверью
Ни за какую мзду.

Старые ортодоксы,
Новые фарисеи,
Зрелые режиссеры
Самых наивных снов:
Здесь на могилах росы,
Здесь васильки не сеют,
Здесь декабррей узоры
В жёлтых глазах домов.

Милые, милые зори,
Серых небес страданье,
Слёзы берёзок вешних
На перекрестье трав!
Нынче ли с сердцем в ссоре,
Давеча, хмурой ранью?
Может ли? Нет, конечно...
Слушаю песнь дубрав.

Слушаю редколесье
Да гороскоп кукушки.
Будет опять струиться
Синею дымкой жаль...

Нет, не умолкнет песня
Вечной Руси-старушки,
Будет ей вторить эхом
Этих лесов печаль...

2007г.

* * *

Теперь я здесь, где небо чуть с грустинкой,
На пиках елей горизонт дрожит,
И сосен дума – лёгкой паутинкой,
И безымянный ручеёк бежит.

Рязанщина! Скуластое похмелье!
Стоишь ты то горласта, то нема,
Руси дремуче-древней средьземелье,
И золотые чудо-терема!

Хранишь тоски и радостей преданья,
Святая дочь над церквами кружит,
И куполов кремлёвское сиянье
Раскосый месяц чутко сторожит.

А жаль щемящую, а вороное лихо
Уносит клин усталых журавлей...
Теперь я здесь, где травы шепчут тихо,
Где неизбывная печаль полей...

2007г.

МОЕЙ ТУМЕ

Милы Мещёры города и веси,
Я с детства в эти улочки влюблён –
Плывёт хорошей, обновлённой песней
Над старой Тумой колокольный звон.

Он верой прадедов моих помечен,
Он в их крови, вот слушаю и я...
И ввечеру, когда утихнет ветер,
В кустах у школы – трели соловья.

Здесь обнимает вековое небо
Лесов зелёных мудрую печаль,
А где духмяный сон ржаного хлеба,
Уперлась речка в зоревую жаль.

Едва рассвет сорвёт ночи обманы,
Уйду в луга и память позову,
Туда, где льются тумские туманы
На шопинскую зрелую траву.

Уже не звёздно, но ещё не ясно,
И жизнь вот-вот произнесётся вновь! –
Там Бог с Душой беседуют негласно,
Там благодать и вечность и любовь!

Но брызнет луч – и благостным пожаром
Взойдёт светило, прогоняя сон.
И зазвучит опять над Тумой старой
Седой и новый колокольный звон!

2005г.

ГОСПОДЬ ТЕБЯ ХРАНИ

Она на небе стилом
Зажглась, моя звезда,
Глаза мои открыла
И за руку взяла.

Взяла и наказала:
«Себя не урони»,
А бабушка сказала:
«Господь тебя храни!»

И я пошёл вслепую,
На красное косясь,
Ложился – не горяя,
Вставал – не помолясь.

Бежал в толпе со всеми
По лужам босиком,
Так и прожил всё время:
Бродягой-босяком.

Но помнил детства звуки
В сырую непогодь,
И бабушкины руки:
«Храни тебя Господь!»

Я жизнь свою чудную
Бил-бил и не разбил,
Не поминая всеу:
Господь меня хранил.

Когда ж по воле рока
Бреду из дальних мест,
Я вижу издалёка
На церкви тумской крест.

И в крест тот свято верю,
До веку буду с ним.
Я бабушкой своею
И Господом храним.

2001г.

ДРАЧЁНА

Мы жизнью порчены и биты и учёны,
Попробовали сладкого сполна,
Но только помню бабкину драчёну,
Что как никто готовила она.

Что – сервелат, что – окорок копчёный?
Как результат крестьянского труда –
На сковородке, с корочкой – драчёна,
И в крынке старой – молоко со льда!

Мне и сейчас вот, среди ночи, с неба
Бабулин голос, будто вновь я мал:
«Садись, внучок, бери краюху хлеба,
Вечерять будем, чем Господь послал».

Он слал немного, но и брал немного:
Окстись на образ ты, здоровья для.
Ну а живые в райсобесе «боги»
Давали пенсию, аж в двадцать три рубля!

Но бабушка Арина не роптала,
Чего роптать-то: урожай неплох!
И лишь чуть слышно у икон шептала,
Чтоб не оставил в одночасье Бог.

Ее заветов мудрых не порушу,
Пусть кто-то прохихикает: «Старо»,
Они навек в мою запали душу:
«Не уставай, мой внук, творить добро!»

Весь мир теперь до жути развращённый...
Осенней стужей тянет из окна...
Но не забыл я бабкину драчёну,
Что как никто готовила она.

2003г.

Х Л Е Б

Даже сквозь поминальную свечку
Буду помнить, как в давешний год,
Пацаны, по дороге на речку,
Заходили на хлебозавод.

Без рубашек, в штанишках дырявых,
В драных кедах, а кто – босиком,
Мы бежали вприпрыжку оравой
И в овраге курили тайком.

Нам от жизни немало досталось,
Не просили, но это не в счёт:
«Тётя, чёрного вынеси малость!?
И сольцы, если можно, ещё?»

Топчем пятки в пыли спозаранку,
Дар её равен царским дарам !
И выносит нам «тётя» буханку,
Потрепав по щекам и вихрам.

Тёплый дождик и синее неба
Будит давних видений запас,
Свежий дух испечённого хлеба
Станет запахом детства для нас.

А потом, преломив горбушку,
Развалившись в траве, как в пуху,
Хлеб едим, вспоминая старушку,
Обжигаясь, хлебаем уху.

Где теперь этот хлеб, эта тётя,
Тёплый дождик и зелень травы?..
Никогда вы ко мне не придёте,
Никогда не вернётесь, увы...

2004г.

* * *

Валентине Строговой

Эх, нелегко нам истины довались:
Потерли ноги... лучшие – легли!
Рубцы Рубцова не зарубцевались,
Лишь тропами вросли в простор земли.

Их покрывают серые метели,
Как наши жизни – неприглядный век.
А ты поёшь, что «листья улетели»
И обновляя души «выпал снег».

Но кровенеют тропы алой жалью
И слышится в них чистый плач струны –
Бубенчиковой, нежною вуалью!
И странно, и не хочется весны!..

Тебе, быть может, это тоже снится:
Крик воронья и дальний пёсий лай.
И серой, неприкаянную птицей
Кружит в полях угодник Николай...

2007г.

Р Е К А

И было исполнение мечты,
И лес стоял неброской красоты.
Змеею извивался клён-бродяга,
Корячились старинные дубы,
Им нечем отмолятся от судьбы:
Сегодня ствол, а завтра ты – коряга.

Сегодня ты кому-то мил и светел,
А завтра – и не этим и не тем,
И, покидая неуютя эти,
Я с криком вылез из замшелых схем.

И поначалу радости струя
Заполнила по самые края.

Мне в спину волком завывало время,
С боков царапали корявые кусты,
И деревья нездешней красоты
Мне ядом капали в лысеющее темя.

Рывок! Настал забытый лад с собой –
По ручейку, корабликом бумажным!
Была река, да пересохла вдвое,
И не войдёшь в неё, конечно, дважды.

Кажусь себе немыслимо свободным,
Любуюсь ручейшком мелководным,
Запруду воздвигаю из идей.
Ведь надо же задуматься о веке!
И где пешком, а где в трусящем беге
Вожу любовь тележкой, без затей.

Худы мозли, стёр зубы до корней,
Да где ж ты, гладь реки первоначальной?!
Запряг в телегу стареньких коней,
И коренник издал привет прощальный...

Пределы есть? Пределов вовсе нет!
Передаю кореннику привет.
И коренной и пристяжной – теперь я сам,
Ломаюсь, позабыв и дни и ночи,
Как проклятый, как каторжный! Короче,
Бурлит поток – неверие глазам!

И есть река, и ни одной мели,
Да нету сил построить корабли...

2005г.

СЛАВЯНСКИЕ МОТИВЫ

а з

На поникшей траве – роса,
Словно скорбь по минувшим дням.
Порубили мои леса,
Я по времени – как по пням.
У меня под ногтями – грязь,
Я навёл по следам мосты: а наши дороги – жуть

Когда первый славянский князь
На ворота крепил щиты.

У меня за ушами – пыль
Вдрызг растрескавшихся дорог,
Только пикнешь – верёвку мыль,
Глянeshь косо – накрутят срок!
Плаха красная, вор-топор,
Время-времечко – благодать,
То помчишься во весь опор,
То крадёшься в ночи, как тать!

Заплетается шаг за шаг –
Впору травленным волком выть,
Зарастает бурьяном тракт
Встарь проторенный, чтобы жить.
Ну а наши дороги – жуть,
По поникшей траве в росе
Каждый хочет нащупать суть,
Да плурует, кружа, как все.

Вот и я – ведь нельзя в норе!
В спину пялится век-бандит,

А надежда на крут-горе
Одинокой сосной стоит.
Прыг на сук, а те ветку – трясь!
Вспомнил, падая, до простоты –
Когда первый славянский князь
На ворота крепил щиты.

б у к и

То ли немец, то ли лях
На родимых на полях?
То ль победой дорожим,
То ль в сырой земле лежим?

Ты уймись, уймись гроза,
Что накаркал сгоряча!
Вот слипаются глаза,
Ох, не курись, моя свеча!

Как повысыпет снежок,
Запорошится дружок,
Что вселён в конце весны
В домовину из сосны.

Для него не скрипнет дверь,
Окон нет, темно – ни зги!
Вот иду к нему теперь,
Ох, не скрипите сапоги!

А как солнышко взойдёт,
Тут и горюшко уйдёт.
Лишь морщинка на челе
Да слезинка на стволе.

Ты, берёзонька, не пой,
Сладка счастья не сули,
Заглушая ветра вой
Ох, ты боли, душа, боли!..

в е д и

Как всё живое прячется в слова
И как оно же верует в Надежду!
Лишь заструится день едва-едва,
Мы надеваем белые одежды.

За что нас любят? За пушистый вид?!
За звонкий смех, когда завывать бы воем...
В глухую полночь, когда совесть спит,
Выносим мы душевные помои!

Стыдясь греха... Наморщены носы,
Босы ступни – не выдали бы звуки!
За неимением ангельской росы,
В ручье притихшем омываем руки.

А после, благовоньями дыша,
И ими пропитав свои одежды
Надеемся: стерильная душа
Способна обрести любовь Надежды...

г л а г о л ь

Что с того мне, что вор на воре?
Я и сам-то – пропойца и хам!
Разбудили меня на заре
Рыть могилы погибшим стихам!

Сёк я строчки – пощады не жди,
Лил наружу душевную дрязь!
Год за годом – косые дожди –
Их схоронят в осклизлую грязь.

Не перо, а лопата в руках,
Комья слипшихся слов нележки!
И ворочаются на губах
Вновь рождённые мною стихи!

Я им отчим иль всё же отец?
Пусть же скажут, когда я помру:
Был такой – графоман и подлец!
И зарюют меня поутру...

д о б р о

Поле-полюшко,
Доля-долюшка,
Вы повязаны узелком.
Здесь секутся, бьют,
Здесь смеются, пьют,
Ну а после – пластятся ничком.

Травы пьяные
И духмяные -
Распрямляются, сколь ни секи.
И, родившись тут,
Побредут, пойдут
По родной стране босяки,

Время вечное,
Жизнь конечная.

Не обманешь косую никак!
Кабы нам поднять
Неуёмных рать!
Да одвуконь – Иван-дурак...

2005г.

ВОРОБЬИ

Утро зимнее, тропы пустынные,
Души тёплые жмутся под кров...
Опустилась на кустик рябиновый
Стайка зимних смешных воробьев.

Затянулись январские тяготы,
Поздний завтрак и ранний обед –
Леденелые бусины-ягоды,
Запоздалый осенний привет !

Я стоял и смотрел, замороженный,
У рябины слепого огня:
Вон воробышек с бойкою рожею
Чем-то очень похож на меня.

Наклюёшься, бывает, от бремени,
Ну а после – хоть плачь, а хоть плюй!
И сказал я ему: «Не ко времени
Горьких ягод, дружище, не клюй!

Пробудившись с алою зорькою
На багряную гроздь не садись:
Часто с горького тянет на "горькую",
Потому что горчит эта жизнь.

Отчего-то такой порядок вещей –
Зорькой горькой по веткам скакать?!»
Он вспорхнул и от стайки товарищей
Полетел сладких ягод искать...

2006г.

ЗАНЕСЛО

Ночевали звезды за пудовой тучей,
На березке тонкой ветер косы мучил,
Каждым лоскуточком трусила осинка,
У забора ветхого замерзала псинка.

Тих скулёж натужный, голос поломало,
Белое не греет снега одеяло,
Лапы перебиты – пацаны сломали,
Вырастут большими маленькие твари.

Как жестокосердна жизни пёсьей шутка!
Где же ты, хозяин, кров – собачья будка?
Где хвалёный разум, преданная дружба?
Скошенным забором завершилась служба...

Заскулилось громче, как перед кончиной,
Где ж лицо людское, ну а где личина?
Что ж, слова всё это? Что же это – враки?
Если друг на друга лаем как собаки?

Делим пропитанье: сахарные кости,
Дачи и машины, землю на погосте !
Целые заборы равнодушья тянем,
Там и существуем, там и умираем.

Помнишь, как любила звонко заливаться,
С трёхэтажным лаем на чужих кидаться?
Так и мы – всё ищем смысла жизни в драке,
Стали люди тоже, как и ты, – собаки!

Точно так же было, вот на этом месте,
После жизни буйной, залихватской песни,
Быль свою кривую крепким словом края,
Здесь мужик-бродяга помер, с перепоя.

Пусть ослепну, сдуру ожидая света,
Не дождусь судьбины доброго привета,
Потные рубахи не устанут сохнуть,
Только под забором Бог не дай подохнуть !

Псинка неказиста, божия песчинка,
Пролетела в свете, точно паутинка.
Бросили собаку, бросили живую,
Старым, одиноким псом о ней горюю...

Ночевали звёзды за пудовой тучей,
На берёзке тонкой ветер косы мучил,
Каждым лоскуточком трусила осинка,
У забора ветхого замерзала псинка.

2003г.

ТОПОЛЬ

Мне не надо теперь никуда,
Гольй тополь под окнами плачет.
Дрянь дела: то метель, то беда,
К переменам большим, не иначе.

Стонет тополь, я с ним в унисон,
И не греет ни песня, ни водка,
Всё прошло, как единственный сон,
Всё сгорело, лишь пепла щепотка.

Поделом же мне, старому псу,
Что впустую года разбазарил,
Понапрасну тревожил росу,
И ударился, а не ударил.

Да набил себе шишек рога,
Да подергал удачу за гриву,
Да чужого поел пирога...
Некрасиво, ей-ей, некрасиво.

Мне не надо теперь никуда,
Вечерами мы с тополем курим,
Да какая-нибудь ерунда
Нас тревожит и головы дурит.

Что мы с ним? – Не испортим обедни,
Нам бы с ним еще жить бы да жить,
Только тополь срубили намедни –
Захотели асфальт положить!

Я стою, обалдев от стыда :
С кем последнюю нежность растрочу?
Мне не надо теперь никуда,
И никто под окном не заплачет.

1998г.

НА КРУГЕ

Крыльцо в снегу, завьюжело дорогу,
Сугроб забору выше поясицы,
Крещусь на звезды молодому Богу,
Что всякий раз под Рождество мне снится.

Крадется старый кот к жилью поближе,
И курится дымок над чьей-то крышей,
А свет небес ночных – всё ниже, ниже,
А луч христовых вежд всё выше, выше,

И я иду, мне кажется, по кругу,
Я был здесь, ветку ели теребя,
И пес цепной орал на всю округу,
И в нём узнал недавнего себя.

Да что нам пёс, рычать умеем все мы!
Мы скалимся по поводу и без,
Отбрешемся, нам были бы лишь темы,
И сразу в лес, тропую зверя – в лес!

Ау! Синее высь, и снег синееет.
И цвета снега кто-то, да с косой!
Круги сужая с каждым днем теснее,
Зовет с собою. Прочь бегу, босой.

Куда-то в спешке сапоги девались,
Куда-то голос впопыхах исчез,
И за плечами недруги остались,
Мелькает лес зелёный, тёмный лес.

И кажется, деревья – те же люди,
Я различаю лица: губы, лбы,
Вот те, что дальше, – память, думы будят,
А те, что ближе, – кажется, дубы,

Им краем губ натужно улыбаюсь,
И, с пеною у рта и с хвоей на ушах,
Я с ходу сквозь чащобу прорываюсь,
Едва-едва не проскочив большак,

Полозьев скрип – впрягли кого-то в сани,
Что делать, коли впрягся – так вези!
К друг дружке лепятся кургузенькие бани,
И проруби у берега вблизи.

Назад взглянул – отстала дама тризны,
Глазам ли верить или верить в сны?
В лесу дремучем проплутал полжизни,
А лесу было – три кривых сосны.

А чащи было – три сучка корявых,
А счастья было – три луча из глаз,
И много грёз и слёз, и клятв дырявых,
И много лишних поз и пошлых фраз.

И вновь крыльцо в снегу, бела дорога,
Холодный свет, что изливает рог,
Дымок и кот, жильё, забор убогий,
И снова круг, над кругом – звёзды, Бог.

2003г.

Л Е С

Когда не очень-то и светит
И стынет синь самих небес,
Берет тоска осин и ветел –
Я захожу в мещерский лес.

Здесь звери мрачные ходили,
Сбивая с сосен-ёлок снег,
Здесь срубы пращуров рубили
И рвали мох для срубов тех.

И уж, конечно, птицы пели,
И, ночь пугая громким «Ух!»,
В ветвях зелёной старой ели
Зрил филин, как былинный дух.

Наверно, так же, как и ныне,
Плёл сеть паук среди ветвей
И в ожиданье стужи зимней
Копался вечный муравей.

Иду-бреду по пням корявым,
Костров мне видятся дымы,
И ведьмина тропа упрямо
Заводит в дебри вечной тьмы.

Как будто вот она, избушка,
Куриная дрожит нога,
Из двери курочкой-несушкой,
Выходит бабушка-Яга.

Зовет к себе, за стол сажает;
Блинами с медом закусив,
Я слушаю её сказанья
О древней дедовской Руси.

И, вновь зайти ей обещая,
Уйду декабрьским перваком,
Себя всей кожей ощущая
Седым и старым «лешаком».

2004г.

Л.

Как бывает бессмысленно жалко
Непонятных, ненужных утрат!
Где-то в городе «Н», в старом парке,
Кружит вальс золотой листопад.

Загрущу, но истерик не надо,
Не порву ни стихов и не вен.
Золотая пора листопада
Продолжается в городе «Н».

Возвращаюсь в тот парк, только спящий,
Как награда за прошлое он:
Старый клен в цвет багряно-щемящий,
Город «Н» разукрасил, как сон.

Беспощадная память, седая:
Буйство красок, кленовая голь.
Под ногами шуршит золотая
Без названия, «энская» боль.

Отблеск сумерек призрачно-зыбкий,
Неизбежности явственный тлен,
Смутный профиль с печальной улыбкой
В парке осени, города «Н».

Деревянные синие арки,
И в углу у тропинки – скамья...
Где-то в городе «Н», в старом парке,
Кто-то ходит с любовью. Не я...

2002г.

КОРОНУЮ...

Я теперь не брожу
И не «по сто пью»,
Не молчу,
Слышу песню иную.
Корону тебя
Светлой поступью,
Корону тебя,
Корону!

Принимаю, как свет,
Неизбежностью,
Встреч заоблачных
Быль обрисую.
И рассветом
И дикою нежностью –
Корону тебя,
Корону!

Как бы ни были дни
Неприкаянны,
Не снесу на погост
Злую тую.
А нечаянным этим
Отчаяньем –
Корону тебя,
Корону!

И в конце,
Когда что-то исполнится,
Ветку вишни
Пониже пригну я.
Точно в юности вешней,
Как помнится,
Корону тебя,
Корону!

2005г.

* * *

К несчастью, не всегда нас небо слышит,
Никак не достучаться до небес.
Любовь не вымолишь, она дается свыше,
Как диво дивное, как чудо из чудес!

Как боль вселенская, идущая за веком.
Ты для неё ли сердце пожалел?
Ведь вряд ли остаётся человеком,
Кто ею хоть однажды не болел.

Кто не бродил безумными ночами
Чертополохом непролазных троп,

Кто не изведал бешеной печали,
Да так, чтоб взгляд один, а там – хоть гроб!

Почти ушёл, почти уже не дышишь,
Но по ошибке не захлопни дверь...
Любовь не вымолишь, она дается свыше,
Когда и кем?.. Не спрашивай, а верь!

2007г.

ПОЗАВЧЕРА

Вы помните, как падала звезда,
Обочины и на скамейках тени?
Бродили мы по скверику тогда,
Без поцелуев и без объяснений.

Что это, впрямь – обиды и грехи?
А может, полутон надежды зыбкой
Я Вам читал неважные стихи,
Вы слушали с немой полуулыбкой.

Опять туда по вечности вернусь:
Неловко за минутное молчанье...
Я не умел понять улыбки грусть,
А Вы, наверное, мое непониманье

И было всё: и горечь, и игра,
Обыденности скользкая удавка...
Закрылась дверь в короткое «вчера»,
И не открылась в солнечное «завтра».

2006г.

* * *

Сходятся разные люди –
Дым полуночного бдения...
Что же из этого будет?
Будут другие схождения!

Будут нелепые связи –
Утренний ад пробуждения...
Кто же всё это развяжет?
Только другие схождения!

Синей затерянной птицы
Станет привычным кружение.
Сколько же это продлится?
Миг – от схождения к схождению!

Что ж, нам и годы сулиммы,
Те, что всё краше и краше...
Как же непреодолиммы
Эти схождения наши!..

2006г.

ВЧЕРАШНИЕ ПИСЬМА

Грусть-луна жёлтым блюдом повисла,
Гомон дня как-то сразу затих.
Я читаю вчерашние письма,
Что-то светлое слышится в них.

В них ушедшее в осень ненастье,
Прошлогодний нетающий снег,
И упрёк ненаставшего счастья,
И обида опущенных век.

И злорадство отчаяньем грустным:
Что «...теперь Вы уж, видно, ничей!»
Так понятно и так безыскусно...
И причастье ушедших ночей.

Сонм эмоций без здравого смысла,
В омут страсти его оброни...
Я читаю вчерашние письма,
Я считаю грядущие дни...

2007г.

* * *

Порой нелегко уклониться,
Себя от объятий укрыть.
Наверное, рано мириться,
Наверное, поздно мирить.

Какая же, право, синица
Не хочет журавликом слыть?
Наверное, рано мириться,
Наверное, поздно мирить.

От лести тяжелой отмыться,
Голодным, но чистым парить!
Наверное, рано мириться,
Наверное, поздно мирить.

Зудит что-то старая рана,
Куда с ней? Да только в кабак!
Мириться, похоже, и рано,
А вот помирить бы... Да как?

2006г.

БЛАГО

Только ниспадала снега пелерина –
Выходила в поле бабушка Арина.

Серенький платочек, ватничек в заплатку –
Ладила о камушек верную лопатку.

Ладила, шептала – не слышать от стука,
Ну а между делом наставляла внука:

«Назмецу да зольцы, покопаем – сила –
Матушку-землицу, чтобы уродила !

Мы с тобой посадим семенцу-кроху,
Чтоб потом, на зиму, выкопать картоху.

Не ленись, Сергуня, ведь щедра земляца,
Что в неё посадишь – втрое уродится!»

Встала, помолилась, распрямляя спину,
Солнца луч на землю благодатью кинул.

Что же так не спится – жёсткая перина,
Снится мне и снится бабушка Арина.

2006г.

ПОГОВОРИМ

Мы все оттуда.
С берестяной кружки,
Есть чем и пот и слёзы утереть.
И никакой не россиянин я,
Я – русский !
И в строчках и по жизни, да и впредь...

На то и пращуры –
Прабабки и прадеды...
Я навожу и пробую мосты.
Вот с бабушкой своей веду беседы,
Что ждёт
У неизбежнейшей черты.

Ничто, бабуля!
Чай, не шиты лыком,
Дай Бог, и эта пролетит гроза!
А помнишь,
Как я палец в книжку тыкал,
Ворчала ты, чтоб не ломал глаза?

Права была,
Сломал маленько это
И искорёжил кое-что ещё.
Но только ты
Давала столько света,
Что и глаза и кое-что – не в счет!

Ещё бранила
Чтоб на клён не лазил:
«Надысь слетел оттуда – в грязь попал!»
Да только, бабушка,

Сегодня столько грязи,
Что без берёз да клёнов я б пропал.

Я б рассказал,
Да не поверишь в это,
Недаром, если век тебе сулил,
Ты отвечала:
«Пережить бы лето,
И дал бы Бог на этот годик сил».

И Бог давал:
Ты правнуков встречала
Коврижкой, что держала про запас.
Под ту же песню,
Что меня, качала
И жгла лампаду за здоровье нас.

Я помню...
Не поверишь ты, наверно,
Что ту лампадку по ночам я жгу!
Нечасто,
Но когда бывает скверно,
Застегивая душу, на бегу!

Тебя уж нет,
И не одну я шишку
Набил себе, бывал на пне, на дне,
Но и теперь
Я тычу палец в книжку
И обнимаюсь с клёном по весне.

Нам в спины
Многое нашепчут ветры злые,
«Они себе!» – говаривала ты,

На наши русские натруженные выи
Себе мы сами
Ладим хомуты.

А там, где русские,
Повсюду горы стружки,
Гробам вослед слышна оркестров медь.
Мы все оттуда –
С берестяной кружки –
Есть чем и пот и слёзы утереть.

Я – как и все:
Плясал и горе мыкал,
Не так, быть может, и не то сказал...
Ничто, бабуля!
Чай, не шиты лыком,
Дай Бог, и эта пролетит гроза!

2005г.

* * *

Песок дороги длинной
Знать, за ночь не остыл,
Я с бабушкой Ариной
По ягоды ходил.

Проселок греет ноги,
Обувку впору снять –
По шопинской дороге,
А там ещё вёрст пять.

Лесной ковёр-дернина,
Через ручеек мостки –
Сладка же ты, малина,
Да колются кусты!

Я – меленькая сошка
Средь бабкиных сестёр,
Но полное лукошко –
Глаз молод, да востёр!

Ах, памяти отрава:
Полденник за точком –
Хорош был чай на травах,
Да хлебушек с лучком!

Вот русская дорожка –
Клубочек по судьбе!
Малиново лукошко
В бревенчатой избе...

2007г.

* * *

Не забывая ни о ком,
Я жизни рад, как Лель подружке.
Пью радость тёплым молоком,
Что подает маманя в кружке.

Я рад, что жив, что этот хлеб
Ломаю, чаем обжигаюсь
И что так много синих неб
Над кем-то светят, напрягаясь,

И что кутил и брёл с котомкой
И воспевал свой буйный век,
Что в Туме, древней и негромкой,
Я – не последний человек.

Что тополя стоят рядом,
Бросая тень на свет в избушке...
Пью радость тёплым молоком,
Что подаёт маманя в кружке!

2007г.

* * *

Дарила ветка серебром
Поутру выпавшего снега.
Я за добро плачу добром –
Не трону хитрого побега.

Не пну ногой, не чертыхнусь,
Не огорчусь ничуть, нимало,
А просто мягко улыбнусь,
Что от зимы чуть-чуть попало!

И головой качну: «Пока!»
Я жив, ребята, вот ведь пруха!
И в этих дебрях ивняка
Опять напьюсь свободой духа!

2007г.

* * *

...не та мелодия, да и слова не те!
На блюде синеньком огарок бледной жалью.
Я коротаю вечер в темноте –
Лишь жёлтый свет холодной вуалью.

Держу луну в разбрызганных руках
И словно в бубен бью на всю округу!
А где-то близко гениальный Бах
Меж звёздных свеч наигрывает фугу.

Он юн, как Бог, и светел, как весна,
И кружат звезды в томном менюэте...
Полоска света от свечи бледна,
Она не светит, да и мне не светит.

И тает звёздно-жёлтый караван,
Прижавшись к горизонту парапету.
Лишь близко-близко баховский орган
И лунный бубен, как призыв к ответу...

2007г.

* * *

День прошел до обидного просто,
Вечер, крадучись, к ночи приник,
Сел на облако месяц-подросток
И оттуда свистит, озорник.

Подмигнул, в ожиданье ответа
Одарил меня ближней звездой.
Я ему помашу сигаретой
И пойду на родник за водой.

Ночь черна, но искать не устану
Той живительной влаги исток,
И пригоршнями пить её стану,
Опустившись на мокрый мосток.

Эх, до донышка б нынче добраться,
Эх до сути: что нам на роду?
А со дна будет месяц смеяться
И швырять в меня звёзд череду...

2007г.

ПОЛНОЧЬ

Треплет ветер кроны –
Клёнам не до сна.
Корочкой лимонной
Съёжилась луна.

Ветру на потеху
Задремал ручей,
Прячется в застреху
Старый воробей.

Узкой тропкой вора
Дряхлый рыжий кот
Краешком забора
Кое-как бредёт.

А на крыше дома,
Что вот-вот падёт,
Кумушка-ворона
Чей-то век крадёт.

2005г.

БАЛЛАДА О ДЕТСТВЕ

Был склонен папа к перемене мест,
Предпочитая ноги тяжкой думе:
Града и веси объезжал окрест,
Но всё ж на свет я появился в Туме.

Я с первым криком, доложить спешу,
Вдохнул всю Туму и всё чаще, чаще...
И до сих пор тем воздухом дышу,
И нету ничего пьяней и слаще.

Был ярый атеист родитель мой,
И поминал он Бога в кои веки,
Но я, наперекор судьбе самой,
Крещён был бабкой в нашей тумской церкви.

Я помню, как сейчас: была весна.
Мне было пять, я думаю, не боле,
И пробуждались люди ото сна,
Чтоб подышать немного только волей.

То воля перепуганных котят,
В которых зашвырнули старым тапком.
А я, свободный с головы до пят,
Неграмотной воспитан мудрой бабкой.

Она не большевистскую муру
Мне в голову и душу заложила –
Добро дарила и, уча добру,
Зажгла, да так, что сердце не остыло.

Крестьянскою её была душа,
Российскою была в ней бабья сила...
А вечерами тихо, не спеша
На ресторанный пруд гулять водила.

А летом в лес! Край сосен и озёр,
Мещёрский край, седой и многоликий!
В компании бабулиных сестёр
Мы в Плишкино ходили за черникой.

И ноги ныли от лесных дорог,
Мы возвращались поздно, на ночь глядя,
Там, голову склоняя на порог,
Встречал меня мой добрый, пьяный дядя.

Он много пил, но был умён и прост,
Не зол, но твёрд и русский, как Россия,
И за любой поставленный вопрос
Его судьба, как жёлтый лист, носила.

Знаком с людьми; объездив полстраны,
Он жизни смысл превыше жизни ставил,
В дорогах не одни протёр штаны,
На рельсах руку в колее оставил.

Он показал мне Туму, как поэт, –
Как некое природное творенье,
И в ресторанном гаме с малых лет:
«А ну, Сергей, прочти стихотворенье!»

И с ним, в его компании, я гном,
Он запросто меня на стол поставил.
Трехполовинойлетним пацаном
Я со стола им Лермонтова шпарил.

Смеялись долго, от души, шутя,
Одаривали сладостью: поди-ка,
Щекастое, лобастое дитя
Толкует тут им всем про «север дикий»!

Вот так и рос, и вырасти успел,
Теперь, вослед годам ушедшим глядя,
Я понимаю, что не очерствел,
Спасибо бабке и спасибо дяде.

Но обо мне вдруг вспомнила родня,
И из-за Божьей вытащив полочки,
Вдруг папа шестилетнего меня
Забрал и вывез к чёрту на кулички.

Тогда нас вёл вперёд бровастый вождь,
Ну а куда завёл, нам всем известно,
И раннюю весну закончил дождь:
Другое время и другие песни.

Нас поучали в школе, только зря,
Но я науки постигал без лени,
Хоть на страницах, даже букваря
Сплошь после слова «мама» слово «Ленин».

От бабушки про личность такову
Я не слышал, и это было внове.
Про добрые глаза его молву
Нам было нужно, как седло корове.

Лепили юных ленинцев, держись!
Мы разевали рты на жизнь уныло.
Нам выдавал «совок» путевку в жизнь,
Но это всё уж в отрочестве было.

1997г.

* * *

Зачем-то небеса так стали тощи,
То ночь ли, день ли, не пойму никак,
А только хочется в березовую рощу,
В березовую рощу иль в кабак.

И тут и там я пьяный постоянно,
Хожу, качаясь, от стола к столу,
Как горсть монет из рваного кармана,
Бросаю душу от ствола к стволу.

Я пью до дна без праздника, без срока,
Вот только что проснулся и опять,
Но за глоток берёзового сока
Готов я душу чёрту запродать.

И как-то раз в апреле, на ночь глядя,
Берёзой белой сам как будто был,
Кудрявым, светлым, да какой-то дядя
Бензопилой меня под корень завалил.

С восходом солнца пробудился:пней уж много,
Меня, смеясь, ведут на поводке
И шепчут: «Нам одна с тобой дорога –
Весельем горьким захлебнуться в кабаке».

Вот и кабак, да только всё непруха,
Глухие ставни, видно, вышел срок,
Фонарь погас. Какая-то старуха
На двери вешает увесистый замок.

А небеса, как саван, – злы и тощи.
Я прокричу: «Простите, мужики!
Наш час пришёл, повырубали рощи,
И все позакрывали кабаки».

1989г.

НЕ СБРАСЫВАЙ РУКУ С ПЛЕЧА

Всё чаще болит голова,
Всё реже с друзьями, в чаду,
И меньше потребность в словах,
А больше – в прошедшем бреду.
Там волосы треплют ветра,
В такт сердца колёса стучат,
И пусть расходиться пора,
Не сбрасывай руку с плеча.

Пусть нет ни огня, ничего,
На ощупь – оно веселей !
Не слушай себя одного,
Терпимей будь, значит, добрей.
Тогда, в полуночной тиши,
В ночи заблестает свеча.
Идти на неё не спеши,
Не сбрасывай руку с плеча.

Как будто бы руки ничьи
Берут и ведут на свечу,
В тиши, в полусонной ночи
От них станет жарко плечу.
Так будь же готовым на раз
Очнуться, зубами стуча,
Сбрось пошлость и выпренность фраз,
Не сбрасывай руку с плеча.

Не сбрасывай руку с плеча,
Неважно, что время – в разбег,
И пусть будет ночь горяча –
Останься и выйди под снег.
Коронами кроны дубов
Разлапились, что-то шепча,
Не слушай ни слов и ни снов,
Не сбрасывай руку с плеча.

2003г.

В Е Я

(К звезде в созвездии Альбатроса)

В пятницу, после ужина,
Когда остывает чайник
И ничего не нужно,
Даже ушедших лет,
Там, в темноте, простуженно,
Тоненько и хрустально,
Кем-то из нас разбуженная,
Вея пускает свет.

Созданное, да не вечное,
Глядь, опоздает случаем,
Значимая, не суженая –
Я и в ненастье ждал.
Звёздочка быстротечная,
Ты прорасти меж тучами,
В пятницу, после ужина,
Дам зажигалкой сигнал.

Капаешь по граммулечке,
В день по мгновенью радуешь,
На прозаичность наволочки
Брызгаешь, словно дар.
Пыль очищая уличную,
Сколько же пятниц надобно,
Чтобы собрать по капелечке
Твой чудотворный нектар.

Чтобы уйти, не шаркая,
Не обижая слепеньких,
Чтоб для других, не суживая,
Ниточку проложить.
Выглядим перестарками,
Но добредя, натуженно,
В пятницу, после ужина,
Я начинаю жить...

2003г.

* * *

Давно уже бывшие снятся,
И скоро настанет гроза!
Как трудно живым притворяться,
Когда уже стынут глаза.

Когда ни стихов и ни песен,
Презренная проза дорог,
Как сложно держать равновесье
Меж тесно расписанных строк.

Меж них – как по тонкому тросу!
Пора бы ходить по ковру –
Как странно быть голым и босым
Днём белым, а не поутру.

Когда же и кто это, братцы,
Я что же, уже и не свой?!
Как трудно живым притворяться,
Когда ты и вправду живой...

2004г.

* * *

Каркает ворона на сухой сосне,
Я сижу весёлый на замшелом пне,
Улыбаюсь лесу, разевая рот,
А в авоське старой – с сыром бутерброд.

Вот моя полянка, я сроднился с ней,
Сел на куст малины бойкий воробей,
Здесь у нас обоих мокрые носы,
Я – глоток портвейна, он – глоток росы.

С веточки на ветку – так и я порхал,
Как и птаха эта – волюшку искал.
Нам на свете этом – только леса свет,
У него-то воля, у меня-то – нет.

Вон себе порхает, клюнул червячка,
Ну а я не стану – не допил пока,
Хоть хотел бы сняться, вижу тропку ту –
Краешком оврага к старому мосту.

Хаживали, было, времени – вагон,
Что там дальше будет? Что за дикий сон?
Только вот я в этом, самом диком сне...
Не сидеть мне больше на замшелом пне...

2004г.

* * *

Обнимая несмелую просинь,
Не устанет клониться закат,
Горбит тополь наивным вопросом:
Кто в согбенье его виноват?

Раскидал оголённые ветки,
В полудрёме на память идут
Омовения дождичек редкий
Да июльского пуха салют.

Серовато пылила дорога,
На листву опадала заря...
И соседей раскидистых много,
Прошлым летом порезанных зря!

Нет уж их, и надежды убоги
До лучей предрассветных достать.
Но сереет у края дороги
Коренная славянская статья!

2005г.

НЕЗАПАМЯТНОЕ

И что ж так гниет-то и вянет?!
Ведь были ж золотые поры!
Когда заселяли славяне
Болотную хмарь Мещеры.

Мы жили тогда. Сила ветра
Играла в нас, словно струна.
Я сыном был вольного вепря,
Ты дочкой слыла колдуна.

Дремучими кронами сосен,
Чарующим голосом пой.
И в мутную сонную просинь
Уйдём мы кабаньей тропой.

Здесь всё так и нежно и грубо,
Но кончился лес. Никого!..
Затёсы драконьего зуба –
Чертоги отца твоего!

Чернеют побитые звери
На красных персидских коврах,
Дубовые тёртые двери –
Веков незапамятных прах!

Но чёрное видеть на красном
Не всем! И не выпало мне...
И морда с оскалом клыкастым
Трофеем висит на стене!..

2005г.

И БЛИЗКО ОСЕНЬ...

Туман и утра хлад – не редки,
К закату летние деньки,
Омыв в воде косые ветки,
Грустит ракета у реки.

Всё чаще хмурые набег
Ватаги туч на синь небес,
И, разомлев от летней неги,
Роняет слёзы старый лес.

Ему б поспать за все несчастья,
Но скоро, скоро запуржит,
И стон осеннего ненастья
Уж где-то рядышком кружит.

Птиц белых клинья-караваны,
Что, было, разбрелись весной,
Уж собрались, от лета пьяны,
Из дома будто иль домой ?

Вон кое-как бредут коровы,
Не чуя плети пастуха,
И наступает вечер снова,
Дня чашу выпив до-су-ха.

Лениво сумрак заструится
И к роднику скользит, легка,
Услада-осень! Молодица
Лет этак с лишним сорока...

2005г.

ТУМАН В КОНСТАНТИНОВЕ

Туман над константиновской Окой:
Укрыты белой ватой косогоры,
Лугов прибрежных вольные просторы
Так хочется поглаживать рукой.
Туман над константиновской Окой.

Короной – кроны золотых берёз,
Иду тропую, от ветвей тенистой,
И легкий ветер и сумрак быстрый-быстрый,
Но сердце светит, бьётся на износ.
Короной – кроны золотых берёз.

Туман над Константиновом, туман!
Пьёт молоко земля, людские кровы
Омыты им. Но у реки коровы
Распознают, наверное, обман.
Туман над Константиновом, туман!

Желтеет уж – осенняя примета!
Опавших листьев тела легки...
И по излучине родительской реки
Скользит душа неспящего Поэта!
Желтеет уж, осенняя примета...

Но как же хочется поглаживать рукой
Туман над константиновской Окой!

2005г.

ОСЕННЯЯ ПЕСНЯ

Ходит осень по утру,
Ставит жизни на кон:
Сбросив жёлтые кудри,
Запечалился клён.

Клонит ветром берёзу,
Почернела, увы,
И роняются слёзы
В сумрак стылой травы.

Облака пронесутся,
Мелкий дождь к нам тряся,
Только сосны не гнутся,
Гордо зелень нося.

Только им листьев-игол
Не дано растрясти,
Гонят старости иго,
Им расти и расти.

Сплошь и прямы и грубы,
Всё ж они не вольны:
Вот придут лесорубы –
И оставят лишь пни!

И под корень подкосит,
Как вот эти вот пни,
Седоватая осень
Мной прожитые дни.

2005г.

* * *

Какое б нас ненастье ни косило,
Мы в эту землю венами вросли...
Не пропадай, печальная Россия,
Дари нам песни, травы, ковыли!

Не растворишься в безверье показушном,
Нечистых дел и нечестивых слов,
Пускай парят расхристанные души,
Среди твоих нетленных куполов.

Уж мало нас, но нам достанет силы,
Ты лишь, как прежде, нам надежду дай...
Не пропадай, моя российская Россия,
Не пропадай, молю тебя, не пропадай!

2006г.

* * *

Желтеет берёза на раннем осеннем закате,
А жадина-ветер последнее силится снять!
И чувствую я перед нею себя виноватым
И просится жалость, а это – понять и обнять.

Понять. Это малость такая, а больше не просим,
Уж падает лист, за собою тепло унося,
А жизнь так мала, и так скоро кончается осень!
И надо жалеть и любить, а иначе нельзя...

2006г.

ВЕЧЕРНЕЕ

Бродяга-ветер, как прозябший зверь,
Покров листвы уносит жёлтой шалью,
Усталый клён склонился от потерь,
Он обрастает вековой печалью.

И сумерки приходят вслед за ней,
Накрыв стволы уверенно и ловко,
А на ветвях – капель вчерашних дней
Да одинокий листик-полукровка.

Мадонной в чёрном меховом манто
Крадётся ночь, в молчании отличие!
И стонет клён, и не узнать в нем то,
Что днём казалось вечным и привычным.

Но сон пришёл и всё живое спит!
Кленовые стихают всхлипы-стоны.
Один бродяга-ветер шелестит
И гонит прочь оборванные кроны.

2006г.

* * *

Какая же порою давит гадость!
Сказать откуда, даже не берусь.
Ныркову вон нашептывает радость
Барская* разболотинная грусть!

А я хандрю среди своих берёзок,
Средь сосенок и елей у воды,
И днём весенним что-то тащит прозу,
И хочется нажраться лебеды!

Светилу внемлю, зелень принимаю,
И комара не хлопну без нужды,
Чего ж я маюсь в этом зрелом мае,
Зачем так жду сентябрьские дожди?

Наверно, потому, что не обманет
Сентябрь, не пряча наготу свою?..
Не спит Нырков, жердями шибко занят,
Не сплю и я, в обмаянном раю...

* *Барская заболотина – местность в Мещёре,
в Клепиковском районе*

2007г.

НОЯБРЬ

Е. Юшину

Угрюмо хохлятся вороны,
Небес звенящая струна,
И будто чьи-то похороны –
Такая виснет тишина!..

Морозно, ветренно и сухо,
Крадутся строжко холода,
И смотрит юшинской старухой
Ветла у стылого пруда...

2007г.

* * *

Гроздь рябины, палисад ухожен,
Дрогнет крона, да и я дрожу:
Я на этой улице – прохожий,
Потому что мимо прохожу.

Воробья в пыли дорожной вижу:
Чик-чирик и затрусил, спеша!
Я его ни капли не обижу,
Вот ведь тоже божия душа.

Обхожу худую собачонку,
Что-то нынче звонко не орёт?
Я бы сел на низкую лавчонку,
Да уж тропка далее зовёт,

Где всё так же тихо и неброско
Луч погладит крыши, чуть – заря,
Где кивает каждая берёзка
Голыми ветвями ноября.

2007г.

* * *

Я вспомнил недавнюю осень,
Когда полевая заря
В сиротскую, милую просинь
Играла листвою сентября.

Овин полусгнившей избушкой
Смотрел мне, бредущему, вслед,
И высохшею старушкой
Берёзы стоял силуэт...

2007г.

СКОРЕЙ БЫ ЗИМА...

Скорей бы зима,
Пусть натужна и пусть сиротлива,
Пусть саван её
И невесел и неумолим
И пусть полутьма
Так грустно непреодолима,
Как вечный покой,
Обещанный ныне живым.

Скорей бы зима,
С перемирьем метелевых стягов,
Прикроет чуть-чуть
Разноцветье людского дерьма.
Новьем полотна
Обнажённые раны оврагов
Увьёт как-нибудь
И укроется с ними сама.

И пусть полутьма,
И пусть полутьма,
Скорей бы зима,
Скорей бы зима.

2006г.

И Д У

1

Встаёт заря, попутчицей босою
Неся с собою луговую трень.
Иду, как раньше, зоровой росую,
Задворками мешёрских деревень.

Пью воздух – родниковою водою,
Селенья зрю: отнюдь не молоды,
Там поросли крапивой-лебедею
Домишек скособоченых ряды.

Плетень гнилой в половиках распятых,
На ширину протянутой руки,
А за сараем, в лопухах помятых,
Как водится, «тряются» мужики.

Из алюминиевой солдатской кружки
«С ранья» вчерашний прогоняют хмель:
«Эй, землячок, чего краями кружишь?
Накапаем! А следуешь откель?»

Здороваюсь, от чарки увольняюсь
И, не спеша, по травушке – вперёд,
А те уж трое меж собой обнялись,
Вот немудрёный, гнутенький народ!

Дивлюсь, а вообще чего дивиться?!
Россию, брат, умом ли понимать?
Да нам бы похмелиться да умыться,
Тогда бы мы уж в Бога, душу мать!..

2

Вот, не спеша, «копейка» пропылила –
Просёлочной дороги полотно.
Ветла на омут голову склонила –
Околицей деревни Снохино.

Над старою скамьёй нависли ели,
Синичек стайка: «Ну-ка, птички, брысь!»
Здесь мы со старым столяром сидели
И он свою обсказывал мне жизнь.

«Давай, Сергей, по маленькой, не скоро
Так посидим, вон днями уж зима!
Хоть нет здесь гор, а солнце уж за гору,
И жизнь к закату клонится, эх ма!

Ну, будь здоров», – мы выпили, заели,
Он грустно посмотрел на гладь пруда:

«Да, скоро отметут мои метели,
А в общем – пожил, ладно, ерунда.

Не лежебочил, потрудились руки,
Порой пахали так, что просто мрак!
А главное – останутся ведь внуки,
Авось, пожить им сладится не так?!

Узрят они, что мы недоглядели,
Зевнули что, как сказано – надясь!»
Здесь мы со старым столяром сидели
И он свою обсказывал мне жизнь...

3

Иду на тракт, Бычково в рваных крышах,
Как будто супостат прошёл войной.
Меркулово, гляжу, на ладан дышит,
А дачники теперь придут весной.

Тогда уж жизни видимость настанет,
Ну а сейчас зимы грядущей тень,
Бредет она знакомыми местами,
Задворками мешёрских деревень.

А я домой, пора мне, дело к ночи,
Не повстречал и нынче что хотел,
Короче день и век мой стал короче,
И души ближе самых важных дел.

Вон старый дуб, его душа – потёмки,
А вон берёза – вся чиста-светла,
А вон и дома древнего обломки,
И пепел судеб и сердец зола.

Но где б ни шел ты и ни маял муки,
Глянь в поднебесье, чуда попроси!
И спустится в протянутые руки
Душа твоей малиновой Руси!

Она поёт, встречая слабый лучик,
С которым задаётся новый день!
Эх, сколько будет зорь, моих попутчиц,
С собой несущих луговую трень...

2006г.

НЕПОКОЙ

Не считайте неправдой это,
Врать не выучился, не мастак!
Приглашали меня Поэты,
Чтоб стихи почитать и ... так.

В моих жилах течет отрава –
Спирт с поэзией – та ещё смесь!
Я пошёл, мне нетрудно, право,
Всё равно надоело здесь.

Поначалу и сам не верил,
Думал, очень глубокий сон:
Усадили меня у двери –
Скучно станет, иди, мол, вон.

Остаёшься Когда не труский,
Надо, братец, тебя прописать!
Хлёсткой рифмой и словом русским
Как зачали меня стегать!

Пушкин крыл, не жалея красок,
Гнул Барков матерком, смешно,
Только тихий и скромный Некрасов
Как-то робко глядел в окно.

Угощали. Сидел вполпьяна,
Сердце вылечу ль, душу спасу?
Из есенинского стакана
Пил я песен его росу.

«Пей, – кричал, – ничего не надо!
Кто не мается, кто не пьёт?
Да скажи, как она, отрада,
Русь, воспетая мной, живёт?»

Чу! Затихли стаканов склянки,
Снежный скрип пастернаковским сном,
Деревянные розвальни-санки
За некрасовским скрылись окном.

Я молчал. Расскажи, просили
Десять пар россиянных глаз!
Кто не пел о своей России?
Что дороже для босых, нас?

Можно тысячу раз загнуться,
Можно вспыхнуть, а ну загаси!
Можно в самом святом обмануться,
Но куда же нам без Руси?

Никуда. Понимаю, братцы,
Я такой же чудной и сам,
Да вот с мыслями бы собраться...
А они: непокойно нам!

Чем ещё можно жить и бредить?
Жив он, дух наш, не вышел ли весь?
Я не смог ничего ответить,
Оттого-то не там, а здесь...

2007г.

ТИМОХА

1

Иду я в поле раненько, на зорьке:
Лениво коровенки мнут траву.
Смолит Тимоха «Приму» на пригорке,
Пожалуй, покурю пойду к нему.

Рассветный луч денёк июльский ладит,
Роса траву умыла дочиста
И солнце ещё лысину не гладит
И то-то любо, братцы, красота!

«Здоров ли, дед, и всё ли слава Богу?
На, закури "пшеничную", – шучу.
Тимоха усмехнулся: «Понемногу.
Пока здоров, а этих – не хочу.

Что за табак ваш? Так, названье разве,
У нас трава покрепче, вот те крест!
Уж лучше "Прима"...
Вон денек-то дразнит!
А ты, гляжу, любитель здешних мест?»

Я соглашаюсь: вон какие зори,
И как их, расскажите, не любить?!
А рощица, а заревое поле,
А травный дух – горстями можно пить!

Над шапкой леса красный плед играет,
Багряный плед, разбуженный трофеей...
Вот солнце!!! И Тимоха замирает,
Да не Тимоха вовсе, Тимофей!..

2

Он позабыл на миг о коровёнках –
Дымит окурок на худой сапог,
Глядел туда, где день родился тонко,
О чём он думал? Знает только Бог!

А я не знал. Да только мой Тимоха
Вдруг голос подал, кепку теребя,
«Гляжу вот, и нутро во мне оглохло
И что-то вспомнил давнего себя.

А был я, брат писатель, шустрый шибко –
Всё не сиделось тута, хоть убей!
Куды ни ткни – везде моя ошибка,
Хоть и других, казалось, не глупей!

Там, за Уралом, где-то близ Курьяна,
Рубил я, вишь ты, крепенький лесок.
Пошто? Отбил Матрёну у буяна
И кирпичом ему попал в висок!

Гуляли крепко, праздник на Изместве,
Перепился, как водится, народ,
И подкатил он, гад, к моей невесте,
Завелся я, а как же, дышло в рот!

Зарделась девка: что ты, ей-то лестно,
А люди шепчутся – ну бабьи-то суды!..
И я попёр, как бык: «Моя невеста!»
Схватил что под рукой...ну и туды...

Вот так и оттрубил годочков восемь,
А девка? Девка – замуж, что ей ждать!..
Умолк. И невпопад:

«А скоро – осень,
Вот осенью у нас тут – благодать!

Тут журавель собирается за море,
А тропы – в медовухи зрелой в цвет!»
Мне грустно стало как-то сразу
что ли?

И я сказал: «Давай закурим, дед...»

3

Носился запах мяты и шалфея,
И мне казалось: не бывает тьмы.
И чист был взор у деда Тимофея –
Так смотрим мы, когда мы влюблены.

Он прошептал чуть слышно: «Слава Богу!» –
«Ты веришь, дед? – спросил я, он вздохнул:
«А как же?! Вон, взгляни-ка на дорогу», –
И через поле руку протянул.

«Вот этот тракт – в ближайшие деревни,
Из них – подале. Так по всей Руси.
Ведь это Он наставил путь тот древний:
Мол, ты иди и Веру пронеси!

Вот потому-то не спешу я в ящик,
Мне есть ещё что сделать и сказать,
Я так сужу: идущий да обрящет,
И я иду, и мне уж поздно вспять!»

Умолк, смутившись, бороденку трогал:
А ну как посмеется молодой?
И я сказал: «Я тоже той дорогой,
Надеюсь, приведёт она домой...»

Горел рассвет, шептали травы мудро
И не хватало только соловья...
И так мне было хорошо в то утро –
Как будто бы родился снова я!

Поняв меня, старик без жестов лишних
Возьми да в знак согласия и спроси:
«Давай, сынок, давай своих пшанишных,
Здоровый будь,
Господь тебя спаси!»

И после, не солгав ни словом лишним,
Мы попрощались кратко, я – домой,
Травую,
 через поле чьей-то жизни
Пошёл. Как будто Господа тропой...

2007г.

ЗАПОВЕДЬ

*Не стоит подходить к чужим
столам,
И отзываться,
если окликают.
В.С.Высоцкий*

Когда-то поутру иль
Вечеру –
Таких времён
теперь уже не стало,
Зовут меня как будто бы
к столу.
Хлеб преломить
и пригубить бокалы.

Я к зову нем,
мне не разверзнуть рот,
Я фильтр прижёт
с панического страху!
Ведь кажется: не пятьдесят –
пятьсот,
И вовсе не к столу зовут –
на плаху!

Что, «едет крыша»,
в «чердаке» бедлам,
Хлеб по талонам
или водки мало?
«Не стоит подходить
к чужим столам»,
Сказал Поэт,
и это мне запало.

И пусть кричат:
 «Пожалте на фуршет!»
Да только знаю:
 будет и расплата.
Косые взгляды
 Нет уж сил терпеть
Пусть даже
 и от собственного брата.

Пустой сухарь
 с водою пополам
Из тощенькой сумы –
 не так уж скверно.
«Не стоит подходить
 к чужим столам» –
Я это знаю
 более чем верно!..

2007г.

* * *

Валерию Самарину

Не восемнадцать – далеко за сорок,
И ветер странствий понемногу стих,
Стоим мы прочно на родных пригорках,
А доведётся – постоим за них!

И за рассвет, и за вон тот росточек,
И за родной родительский бурьян,
За майский незапамятный денёчек,
Когда был молод и от жизни пьян!

Как сказке русской с той поры ей внемлю,
Как песне ветра здесь – в родной глуши!
Ты прав, поэт, воспеть такую землю
Неможно без горения души!

И мы горим! Согреем ли кого-то?
Уж это, верно, как захочет Бог...
Ведь, прославляя отчее болото,
Придём когда-то на Е г о порог...

Но слава нам, безумцам полунищим,
И слава всем, кто стОит и стоИт!
Потомок след затерянный отыщет,
А Бог, конечно, за любовь простит...

2007г.

* * *

Не вижу прока
В вычурной одежде –
Потёртый ватник
И – в любимый круг!
Мой старый лес,
Ты шепчешь, как и прежде,
Ну что ж,
Давай пошепчемся, мой друг!

Ты, щёк касаясь,
Ветки ниже клонишь,
Я тоже рад,
С тобой мне хорошо!

Да слышу, брат,
Ночами шибко стонешь.
Беда ль какая?
Вот узнать пришёл.

Зима идет?
Ну да, зима, конечно...
Теперь уж наши зимы
Чаще лет!
И то сказать:
Пристало вёснам нежным
Для молодых, да ранних
Сеять свет.

На этот свет и мы,
Прищутив вежды,
Пойдем, прикрыв седины
На виске...
Мой старый лес,
Ты шепчешь, как и прежде,
О чем-то бывшем
В дальнем далеке...

2006г.

ДЕРЕВНИ

Пахарь давно обессилел,
Пахарь поник головой –
Гибнут деревни в России,
Косит их, словно косой.

Мрут с мужичишками вместе
Срубы, что в землю вросли,
Сотнями канут в безвестье
Корни российской земли.

Хлебом кормили издревле,
Кто им спасибо сказал?
Гибнут в России деревни,
Аж прошибает слеза.

Аж до тоскливости хмуры
Думы в уставших умах –
Снятся коровы и куры
Бабушкам в старых домах.

В отчете краю – словно гости,
Сор векового жнивья...
Снятся кресты и погосты,
Где отдыхают мужья.

Там наша бывшая сила,
Ныне – не те и не то.
Гибнут деревни в России,
Что остается и кто?

2006г.

НА ОТШИБЕ

На длинный тракт фонарик светит,
Огонь коробит бересту,
И полосатый столбик метит
Другую, ближнюю версту.

Заполз озноб за старый ворот,
Макушки сосен шепчут грусть,
И скоро кончится уж хворост
И батарейки – ну и пусть.

Зато раздолье мыслям диким:
Отступит непонятный век –
Приду на смену серым ликам
Я – первобытный человек.

Ни друга, ни единове́рца,
Ни перво́родности греха!
Я напишу поэму сердца
Пером невинного стиха.

2006г.

* * *

Эх, сказать бы, пока ещё в силе,
Что в скрижали потом занесут!
Но сомненья меня посетили,
Что придёт он, тот праведный суд.

Что по рытвинам, пьяным дорогам,
Посетят наш запущенный лес.
И потом: всё же был ли он Богом,
Тот, на время сошедший с небес?

Что за мысли, аж чешется темя,
Жарко, как от слепого огня?!
Эх, моё некрещёное время –
Ты, как ветку, сломало меня!

Нас в объятьях медвежьих давили,
Аж трещала от фраз голова!
Эх, сказать бы, пока ещё в силе,
Жаль, совсем поистерлись слова...

Жаль! Но хочется крикнуть: поверьте,
Что безверие тоже претит!
Вот он, крепкий, святой и бессмертный!
Он помилует нас и простит?

Даже если он Богом и не был,
Но, сошедши на эти края,
Всё ж клочок голубинога неба
Видел он точно так же, как я...

2006г.

* * *

Быль в красивости – зла и убога,
Потому-то и крестятся лбы,
Ведь одни мы у Господа Бога,
Как озябшие в поле столбы.

Без бетона, заржавленной скрутки,
На одной деревянной ноге,
Тянем в стороны проволоки-руки,
Чтоб в дожде устоять и в пурге.

Растянувшись на многие вёрсты,
Словно тем, кто срубил нас, назло,
Сквозь свои многожилые горсти
Пропускаем и свет и тепло.

Гордецы! В нашем свете – нет тени!
Но не верим, что в будние дни,
Нас, как всё в этой жизни, заменят,
И порежут на ветхие пни...

2005г.

ОБОЧИНЫ

Ширь дороги бежит, словно гладь реки,
На стремнину б да в путь до поры,
Но идут по обочине плотники,
В старых сумках неся топоры.

Топоры на работу наточены,
Гладь бревна, будто пена, бела!
Отчего же всю жизнь на обочине,
Отчего же сума тяжела?

Белый снег ли, иль дождичек серенький,
Слякоть квёлых российских дорог –
Стук топориков веско, уверенно,
Переходит столетний порог.

Пятистеночки потом помечены,
Оттого-то и гнутся горбы,
Оттого и обочины вечные –
Никуда не уйти от судьбы.

Год за годом и срубик за срубиком,
Деревянной страны не сыскать!
Так Россия рубилась и рубится
И столетья назад и опять.

Как года лягут бревнышки – плотненько,
Вон разметка на свежем срубе!
И идут по обочинам плотники,
Нагрузивши на плечи судьбу...

2005г.

* * *

Ни начала, ни конца,
Луговые росы.
Жалко нету кузнеца:
Отковал бы косу.

Что там косу, гитарист
В руки взял гитару,
Молодецкий где-то свист,
И дорога к «Яру»!

Погляди на молодцов,
Что в коляску сели,
Жалко нету бубенцов –
Под дугой бы пели!

Что за тройка, прочь с пути,
С кем не по дороге!
Можешь поле перейти,
Если носят ноги.

Что за ночи! Соловья
Трель не умолкает,
Вдоль дороги тополя,
Речка затихает.

Поутру – кудрявый сад,
Небо чистой синью,
Жалко, не вернуть назад
Матушку-Россию!

2001г.

ЗАМОК НА ПЕСКЕ

Речка быстрая бежит,
Листик на ветру дрожит,
Загорелый, босоногий,
Мальчик берегом бежит.

Волосы – ну точно лён,
В день сегодняшний влюблён,
От воды невдалеке –
Замок на речном песке.

Лист багряный – солнца кровь,
Будит радость вновь и вновь,
И в руке рука родная,
Вот и первая любовь.

Волосы – ну точно лён.
"Я в неё и в жизнь влюблён!" –
Он кричит листве, реке,
Замку на речном песке.

Дней листы – как черновик,
Луноватый, бледный лик,
Что-то зеркало тускнеет,
Да давно к нему привык.

В волосах всё меньше льна,
Это снег, не седина!?
И песчинки на руке...
Замок на речном песке.

Что-то долго вёсен нет,
И не греет солнца свет,
И друзья все в виде стопки
Похоронной шлют привет.

Только речка всё бежит,
Листик на ветру дрожит,
Как и не было тех лет:
Есть песок, а замка нет.

1997г.

* * *

Благовест пасхальный,
Куруется свеча,
Люд патриархальный,
Ещё давеча.

Небо вышивают
Церкви купола,
В избах отскребают
Лавки добела.

В узелок запрятан
Образок с полич,
Писанок десятков,
Пасха, да кулич.

Бабушки в платочках,
Детвора – кто в чём,
Зелени листочков
Дождик нипочём.

Парни круче кручи,
Девушек косяк,
Затерялся лучик
В светлых волосах.

Легкий гомон в Храме,
Ладан да елей,
Божьими дарами
Свет в глаза людей.

Брызнет яркой синью
Синь самих небес,
Радуйся, Россия:
То Христос воскрес!

2001г.

ЗАБЫТЬЁ

Как странно, ошибка исключена,
Идут как две тени – он и она,
Не знают пути, им не в силах помочь
Чужая дорога, чужая ночь.

И как тут понять? Может, жизнь такова:
Они произносят чужие слова,
И с ними бежит, убегая прочь,
Чужая дорога, чужая ночь.

В их спины чужие дуют ветра,
И шепчут как будто: «Прощаться пора»,
Но руки как плен и проститься невмочь.
Чужая дорога, чужая ночь.

Привычны ступени, кончается сон,
Который навеки быть сном обречён,
Им вновь никогда увидеть не смочь
Чужую дорогу, чужую ночь.

1989г.

ВИДЕНИЕ

То ли ветер, то ли крик,
То ли небылица,
Только от тебя вдали
Неспокойно спится.

Голова, как снежный ком,
Обрастает былью,
Не ищу вины ни в ком –
Расправляю крылья.

Под одним крылом – твой взгляд,
Под другим – проклятья,
У любимых, говорят,
Сладкие объятья.

Только видно, два крыла
Для полёта – мало,
То ли буря обожгла,
Только ты пропала.

Ты пропала, я поник...
Это не годится!
То ли ветер, то ли крик,
То ли небылица.

1987г.

ФУТУРУМ

Когда поднимут нас на щит,
Мы не обмолвимся и словом,
Мы будем кротки и суровы,
Поскольку мы – умерший вид.
И лишь чуть слышно зазвучит
В нас наша музыка, как снова
Мы ощутим надежность крова
И за неверье стылый стыд.

Нас провезут под рёв толпы,
На обветшалой колеснице,
И покорёженные спицы
Сольются с цокотом копыт.
И племени младого пыл,
Вослед неверной синей птице,
Откроет в святцах наши лица,
След нашей стоптанной стопы.

Нас в общей яме погребут
И отпоют большой толпою,
Подсентябренных ветров вой,
Нам в оркестранты отдадут.

Освобождённые от пут,
Мы встретимся, Господь, с тобою,
И только будущей весной
Дождём слепым прольёмся тут.

Пройдёт засилие идей,
Забудут вздёрнутых на рее,
И будет небо всё яснее,
И будут лица всё ясней.
Но археолог-грамотей
Наш прах найдёт и не развеет,
А поместит в зоомузее,
Как ископаемых людей.

2003г.

МОГИЛА

Озябшей землей богаты,
Сквозь толщу – в кромешную тьму.
Трудились четыре лопаты,
Чтоб место найти одному.

Долбили, пилили, крошили
Застывшую, мёрзлую твердь.
Уж солнце садилось, спешили
«На раз» поприветствовать Смерть.

Она где-то рядом кружила,
Незрима, как лазера луч.
Она принимала «квартиру»
Под непроницаемый ключ.

Она торжествует: расплата!
А вон понесли ещё двух!
Грызёт штыковая лопата
Российский суглинистый «пух».

За шиворот сыплется, в глотку.
Готово! Прыжок, как побег!
Потом пили стылую водку,
И ели темнеющий снег.

Сидели и долго молчали,
Курили, сквозь сумерек муть.
На соснах вороны кричали,
Нащупав щемящую суть...

2003г.

ДОМОВИНА

Фугую зло широкою тесину:
Косую в белом снова принесло!
Опять пришёл заказ на домовину,
Не по нутру мне это ремесло!

Как будто я – соратник этой дамы,
Что набирает новеньких жильцов.
Уж верно, людям косяки да рамы
Нужны не больше струганых гробов.

Живу пока, в своих квадратных метрах,
Замеряют, когда совсем усну.
От маковки до пяток – в сантиметрах,
И плечи, напоследок, в ширину.

Стук молотка так гулко раздаётся,
Как будто крик: «Откройте, кто там, эй!»
Но бей не бей – никто не отзовется,
Закончу-ка работу поскорей!

Отделаю края красивой рюшкой,
Придам упругость чёрному кресту,
Довольны будут новенькой избушкой
Привратники на ихнем «блокпосту».

Спешу. Там не прощают опоздания,
Ворчу под нос забытые стихи,
Авось простятся, за мои страдания,
Земные, неподъёмные грехи.

Готово... вот конец чьего-то века,
Горит малиной бархата во дне!
Гляжу и представляю человека,
Что будет делать домовину мне...

Мне алых лет и бархата не нужно,
Не надо крепа, белых простыней,
Пусть только гробовщик свою грусть-службу
Покроет матом, расплюётся с ней!

Пусть поворчат вдогонку сосен кроны,
Избавившись от тяжести снегов,
Пусть проскрипят простуженно вороны,
Нагнав тоску на всех гробовщиков.

Пускай придут друзья, хоть половина,
Пускай... да что я снова не о том!?
Опять пришёл заказ на домовину,
Ведь бывшим людям тоже нужен дом.

2003г.

ГОРОДУ ВЛАДИМИРУ

Вот снова здесь. Уютно и красиво,
Я этот город сердцем постигал,
Когда уж в сотый раз неторопливо
По светлым площадям его шагал.

Владимир! Непохожестью убора
Ты вхож в градов российских славный род:
Кресты и лик Успенского собора
И древний купол Золотых Ворот!

Здесь было всё: и гомон торжищ разных,
Людишек малых и князей пиры,
Течение стругов и ладьей по Клязьме,
И до поры стучали звонко топоры.

Владимир! Из-за леса, из-за бора
Ты встал, и вырос, и возвёл народ –
Лик и кресты Успенского собора
И древний купол Золотых Ворот!

Слепят лучи, взбесившаяся свита,
Жара июльская совсем с ума свела.
Стою как божьими слезьми умытый
В тени берёзок Доброго села.

Владимир! Молодой и древний город,
Стоишь жемчужиной, блестят из года в год
Кресты и лик Успенского собора
И древний купол Золотых ворот!

2002г.

ДОРОГА

Шелест трав и ветра,
Нет моторов шума,
Старая дорога –
С Шопина до Тумы.

Зелена верхушка,
Лес за поворотом,
Мещера-старушка –
В стару-Русь ворота.

Скидываю шапку,
Вспоминаю лики:
Хаживала бабка
С туесом черники.

Шли и богомольцы
На базары бойки,
Звонким колокольцем
Заливались тройки.

По ночам мохнатым
Шли лихие «роты»
По домам богатым
Взламывать ворота.

Выхожу на взгорье:
Куст в весенней силе,
А на горизонте –
Крест на старом шпиле.

Прямо от порога,
Веселы, угрюмы...
Старая дорога
С Шопина до Тумы...

2003г.

Д Е Д

Я раньше часто видел этот сон:
Мой старый дед выходит за калитку.
Я и сейчас, не думая, навскидку,
Могу припомнить, что сказал мне он.

Он молвил, что не частый я, мол, гость
И что негоже поступать так с дедом.
И что вот-вот он двинет на погост,
А мне судьба – плестись за гробом следом.

Да что там внук, забыли-де его
Родные дети: Валька, Шурка, Зойка
И что ему не нужно ничего
И лишь весны дожждаться, да и только.

Он прятал взгляд, он болен был тогда,
Слеза катилась по морщине к носу.
Я ком сглотнул: то все его года
Сквозь ту слезу поглядывали косо.

Я раньше часто видел этот сон...
Да не пришлось похоронить мне деда:
Когда нашел он дом под сенью крон,
Тянул я службу «от забора до обеда».

Потом пришел к нему, тропа в листьях,
Смотрел в глаза и зрил его вотще я
Не в кительке, застёгнутом до шеи,
А у калитки, со слезой в глазах...

Теперь я дед, и это уж не сон –
Всяк продолжает родовую нитку,
Как дед Семен, стою я у калитки
И провожаю внука я, как он.

Внук мал пока, но уж видна порода,
Ну что ж, я рад, спокоен за мальчика,
Дай Бог, не отдохнёт на нём природа,
Не дрогнет легкая рука творца.

А время вскачь, оно нам не под силу,
Мы все уйдем, и в этом свой резон.
Придет мой внук на дедову могилу,
Что будет думать и что скажет он?

2002г.

* * *

У природы на каждого метка,
Смотрят свыше, ну прям-таки в рот:
Улыбается каждая ветка,
А бывает и наоборот.

По весне, когда всё так и дышит,
Пил я водку как воду, как квас,
Поманил меня пальцем Всевышний
И всей дланью по личику – р-раз!

Каково? Стал берёзовым соком
Утоляться – и жажда ушла:
Не подставив другую щёку,
Не поймёшь, как «житуха» мала!

Вот вчера, когда крышу я ладил
В ожидании зимних порош,
Он меня по головке погладил
И сказал: «Ну ещё поживешь!»

2006г.

* * *

Сквозь яркое звёздное сито,
На этот мерцающий снег
Приходит младенец-спаситель,
И значит – не кончится Век.

Далёко ли, близко ль, где б ни был,
Славянское жмет естество –
Крещусь я на звёздное небо,
Когда на дворе Рождество!

2006г.

СОДЕРЖАНИЕ

Родина.....	3
«Поживу я ещё, делать нечего...»	4
Дорожное	5
Просека.....	5
«Может ли быть? Не может...»	7
«Теперь я здесь, где небо чуть с грустинкой...»	8
Моей Туме.....	9
Господь тебя храни	10
Драчёна.....	11
Хлеб	12
«Ах, нелегко нам истины давались...»	13
Река	14
Славянские мотивы	16
Воробьи	20
Занесло	21
Тополь	22
В круге.....	24
Лес.....	26
Л.	27
Короную	28
«К несчастью, не всегда нас небо слышит...».....	29
Позавчера	30
«Сходятся разные люди...»	31
Вчерашние письма	31
«Порой нелегко уклониться...»	32
Благо	33
Поговорим.....	34
«Песок дороги длинной...»	36
«Не забывая ни о ком...»	37
«Дарила ветка серебром...»	38
«...не та мелодия, да и слова не те...»	39
«День прошёл до обидного просто...».....	39
Полночь.....	40
Баллада о детстве.....	41

«Зачем-то небеса так стали тощи...».....	44
Не сбрасывай руку с плеча.....	45
Вяя.....	46
«Давно уже бывшие снятся...».....	48
«Каркает ворона на сухой сосне...».....	48
«Обнимая несмелую просинь...».....	49
Незапамятное.....	50
И близко осень.....	51
Туман в Константинове.....	52
Осенняя песня.....	53
«Какое б нас ненастье ни косило...».....	54
«Желтеет берёза на раннем осеннем закате...».....	55
Вечернее.....	55
«Какая же порою давит гадость!...».....	56
Ноябрь.....	57
«Гроздь рябины, палисад ухожен...».....	57
«Я вспомнил недавнюю осень...».....	58
Скорее бы зима... ..	58
Иду.....	59
Непокой.....	62
Тимоха.....	64
Заповедь.....	68
«Не восемнадцать – далеко за сорок...».....	69
«Не вижу прока...».....	70
Деревни.....	71
На отшибе.....	72
«Эх, сказать бы, пока ещё в силе...».....	73
«Быль в красивости – зла и убога...».....	74
Обочины.....	75
«Ни начала, ни конца...».....	76
Замок на песке.....	77
«Благовест пасхальный...».....	78
Забутьё.....	79
Видение.....	80
Футурум.....	81
Могола.....	82

Домовина.....	83
Городу Владимиру	85
Дорога.....	86
Дед	87
«У природы на каждого метка...»	88
«Сквозь яркое звёздное сито...»	89

ДВОРЕЦКИЙ Сергей Александрович
(С Е Р Ж)

О Т М Е Т И Н Ы

Избранные стихотворения
(1987 – 2007 гг.)

Шеф-редактор А.В. Бандорин
Художественный редактор
и корректор Л.Ф.Салтыкова
Компьютерный набор С.А. Дворецкий
Компьютерная вёрстка Н.С. Меньшикова
Технический редактор Н.С. Меньшикова

Подписано в печать 03.04.2008 г.
Формат 70х90 1/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman
Усл.печ.л. 5,75. Тираж 500 экз.

Издательство «Старт» -
Лауреат Всероссийской литературной премии
имени генералиссимуса А.В. Суворова
г. Рязань, ул. Проф. Никулина, д.6

Отпечатано в типографии
издательства «Старт»